

Волна

*Снаружи тобой сожжена,
Изнутри собой выжжена.
Я безмерно чужая жена
И забытая хижина.*

Оксана Ралкова

В тяжёлых сизых тучах, подмявших синеву июльского неба, вызрел дождь. Сорвавшись вниз, он накрыл тёмной плотной волной изнурённый от жары город. Он хлестал пожухлую листву, смывал зной и усталость, врвался в открытые окна, принося прохладу и свободу.

Впуская в дом свежий воздух, Лида раздвинула в стороны стеклянные створки на балконе. Вместе с ветром косые холодные струи хлынули внутрь. Девушка встала на цыпочки и подставила лицо дождю. С высоты девятнадцатого этажа был виден весь микрорайон с одинаковыми оранжевыми многоэтажками и пустынными, ещё не достроенными зданиями. Лида заправила за уши выбившиеся из длинной тёмной косы пряди и закрыла глаза, жадно дыша.

Постояв несколько секунд, она вернулась в дом и стала подбирать разбросанные в горячей ссоре вещи. Лёня, сторбившись и опустив голову, сидел на полу у компьютерного стола под единственным в квартире-студии широким глухим окном. Услышав, как по рулонам обоев и картонным коробкам стучат капли дождя, он поднялся и вышел на балкон.

— Не закрывай! Дышать нечем! — крикнула вслед Лида и порывисто бросилась за ним.

— Лида... Хватит, — тихо ответил Лёня.

Он сдвинул балконные створки, занёс намокшие рулоны в комнату. Лида подняла с пола халат и села на диван. Обвела взглядом заштукатуренный потолок, ободранные стены, тесно составленную мебель. Остановилась на свадебном фото, стоявшем на стеллаже: каменный мостик, они прижимаются друг к другу — красивые и счастливые. — Я вчера в парк ходила. Уток кормить, — тихо произнесла она. — Стояла у пруда, и вдруг плеск. Обернулась — по центральной площадке высокий парень бежит с коляской, толкает её вперёд прямо в лужу — брызги во все стороны, а он оббегает, ловит коляску за ручку, делает круг и снова с разбегу.

А на лавочке девушка сидит и смотрит... Молоденькая, тоненькая, как кузнечик. Они такие светлые и хрупкие, сами ещё ребята, а уже родители. Представляешь, Лёнь? А потом, — Лида задумчиво улыбнулась, — потом смотрю, мальчишка, лет пять, может, увидел, как тот с коляской лужу рассекает, и ну за ним на велосипеде!

Лёня молча сел за компьютерный стол спиной к Лиде. Глубоко вздохнув, он откинул голову и прикрыл глаза.

— Лёня! Я так устала... — Лида закрыла лицо руками.

Лёня испуганно подскочил к ней, сжал в объятиях.

— Лида, Лидочка... Прости меня! — горячо зашептал он. — Слышишь? Давай обратимся в хорошую клинику? Ну хочешь, вместе обследуемся? Хочешь? Лида! Может, просто не время пока? Помнишь, ты мечтала о своей квартире? Как после свадьбы планировали? Полтора года ждали! Я уж думал, всё, с этим кризисом. Дождались же!

— Я здесь задыхаюсь!

— Сейчас я ванну доделаю, купим кондиционер... Угу? Если хочешь, можем вернуться к родителям, проживём у них, пока закончим ремонт, они всё равно в деревне до октября.

Лида встала на коленки, отстранилась от мужа, посмотрела на него с удивлением, словно в первый раз видела.

— Можем сегодня шторы посмотреть на сайте, — улыбнулся он. — Время ещё есть...

— Лёня, давай уедем? — перебила его Лида. — К океану! Лёнь! — она крепко обняла его, больно сжала плечо. — Пожалуйста! Ну хоть куда-нибудь...

— Поедем! Ремонт только закончим, за квартиру рассчитаемся. У меня одноклассница работает в турагентстве. Можем в Египет слетать, а если подкопим, то куда-нибудь в Европу. Там в любое время года хорошо. В феврале в Италии потрясающий Венецианский карнавал! Хочешь? — Лёня заглянул жене в глаза и улыбнулся.

— Посуду надо помыть, скоро к твоим ехать, — сухо сказала Лида и встала с дивана.

Небо над деревней после грозового дождя не спеша расчищалось, будто кто-то стягивал с него тяжёлое иссиня-чёрное покрывало, обнажая

бледную голубизну с подрумяненными на закате сваявшимися облаками. На пышноцветье полей и рош опустилась мягкая прохлада, воздух налился, загустел от полноты, вобрав в себя вместе с влагой запахи густого разнотравья.

Во дворе Седовых в прозрачную тишину вливался щебет ласточки, свившей гнездо под навесом поленицы, глухими хлопками крупные капли обрушивались на землю с низких яблоневых ветвей, созревающих вишен. У приземистой баньки с сухим хрустом рубил дрова Николай Петрович, изредка останавливаясь и вытирая пот. Рубашка намочила и прилипла к поджарому телу.

В беседке, увитой виноградной лозой, у стола суетилась Тамара Павловна. Она стелила поверх клеёнки зелёную в белый горошек льняную скатерть. Бережно расправив края ткани, она взяла со скамейки эмалированную чашку с ягодным рисунком и собралась в огород, но вдруг увидела за оградой на дороге вымазанный в грязи серебристый «Хёндэ». Тамара Павловна остановилась, вглядываясь. Автомобиль осторожно съехал с дороги к их двору. Бросив чашку на стол, на ходу поправляя белую косынку, Тамара Павловна побежала к калитке. — Мама, — Лёня вышел из машины, крепко обнял мать. — Ну приехали, приехали! — и засмеялся, приподняв её.

Лида с небольшой дорожной сумкой обошла машину и встала в сторонке, под свесившимися за ограду тяжёлыми ветвями яблони-ранетки.

— Исхудал, Лёнька! — глаза у Тамары Павловны увлажнились. — Заболел?

— Нормально всё! Отец где?

— А-а, — махнула она рукой. — С баней возится, — и добавила шёпотом: — Тебя ждёт.

— Пойду поздравляюсь, — Лёня поправил рюкзак и шёл во двор.

— Здравствуйте, тётя Тома, — приветливо улыбнулась Лида.

— Здравствуй, Лида. Проходи. Как доехали? — Тамара Павловна легонько коснулась плеча невестки, пропуская её вперёд.

— Нормально. Только в большой пробке долго стояли — у вокзала потоп после ливня.

Тамара Павловна обеспокоенно покачала головой, семена за Лидой по тропинке между домом и огородом. Лёня уже стоял с отцом и хрустел сорванными по пути колющими огурчиком.

— Проходи, я вам в спальне всё приготовила, — Тамара Павловна, оставив невестку у веранды, заспешила с чашкой в огород.

— Здравствуйте, дядя Коля, — крикнула свёкру Лида, открывая дверь.

— Здравствуй, дочка, — добродушно отозвался он.

Лида скинула на пороге бирюзовые кеды и застыла. Мелькнувшее в смежном огороде женское взволнованное лицо словно ожгло её взгляд. Грубо отбросив навешенный на входе тюль, она вошла в дом.

В сумерках Николай Петрович включил свет во дворе, повесил в беседке жёлтую лампочку. Тамара Павловна расставила на столе широкие блюда с овощами, молодым горячим картофелем в укропе и жаренной на решётке курицей.

Первым из бани выскочил распаренный и разгорячённый Лёня. Накинув полотенце на плечи, он с аппетитом набросился на еду. Следом медленно вышла обессиленная Лида во фланелевой широкой рубашке, найденной в старых вещах Лёни. Прибирая волосы в свободную косу, Лида осторожно ступала по влажной траве и слушала мелодичный непрерывный треск свёрчка. Остановившись возле кустика красной смородины, она сорвала несколько тонких гроздей.

Присев рядом с мужем, Лида внимательно на него поглядела. В ней всколыхнулось что-то тёплое, мягкое, что давно впиталось в её кровь, разрослось в ней и окрепло корнями. Лёня вопросительно посмотрел на жену.

— Ты знаешь, у тебя медвежьи глаза. Добрые, — произнесла далёким голосом Лида. — Я тебе это когда-нибудь говорила? — она ласково убрала с его лба курчавую влажную прядь и коснулась пальцем прямых бровей мужа.

— Очень давно, — улыбнулся он.

— У тебя глаза — будто солнышко в солнышке... Да. Говорила. Когда мы мирились. После той ссоры, перед свадьбой.

— Знаете что, Лидия Семёновна, — нарочито радостно обратился Лёня, — так можно всё вкусное пропустить! В большой семье клювом не щёлкают. — Наташа здесь?

— Не знаю. Может, приехала к родителям. Лида! Я обещал тебе не общаться с ней — я не общаюсь. Ты же знаешь, — он мягко поцеловал жену в висок.

— Попарились? — из дома вышла Тамара Павловна с порезанным на крупные ломти ржаным хлебом.

— Щедро натоплено! Я так по баньке скучал!

— Молодцы, что приехали!

— Отец куда подевался?

— К сестре твоей побежал управляться, они с Серёгой на свадьбу уехали и Ваньку с собой взяли. — Пойду помогу ему! — вскочил Лёня.

— Сиди! — всполошилась Тамара Павловна. — Лёнька! Куда?!

Но сын уже скрылся в тени дома.

— Мы уж думали, не приедете летом к нам, — тяжело вздохнула Тамара Павловна и опустила на лавочку. — Отец один собрался крышу делать, хорошо хоть Серёжка рядом, пособит...

— Сейчас у Лёни работы много, по выходным всё ремонтом занимается, — виновато пробормотала Лида. — Когда вы в городе, мы часто у вас бываем, летом сложнее вырваться... — и добавила примиряюще: — Я к вам на квартиру заезжала, цветы все полила...

— Ох, Лидочка, как же вы ребёнка-то растить будете в комнатухе этой? — сочувственно покачала головой Тамара Павловна. — Ума не приложу... Но знай: вы всегда можете вернуться к нам, а студию сдать! — воодушевилась свекровь. — Квартира у нас большая, слава Богу, не в тесноте жили. Летом вообще нас не бывает, всё тут... Ты только с ребёнком не затягивай. Я Машку в двадцать два рожала — легко, а с Лёнкой намучилась! Не зря говорят: поздно рожать — тяжело. Мы с Николаем Петровичем уже старые, хочется с внуком повозиться. Лёнке нынче уж тридцать три будет, пора бы.

Лида тяжело молчала в ответ, медленно перебирая в пальцах налитые кисти красной смородины.

В комнате было тихо, только через открытую форточку вместе с лёгким ветром проникали звуки просыпающейся деревни. Где-то у соседей прокричал петух, басовито залаяла собака. Приподнявшись на локте, Лёня поглядел на жену. Лида сидела у окна на стуле, поджав ноги. При утреннем свете она показалось ему очень красивой в прозрачно-голубой хлопковой сорочке и с распущенными волнистыми волосами. Задумчиво-спокойная и тихая. Даже острые черты лица словно смягчились.

— Доброе утро, — прошептал Лёня.

Лида вздрогнула, заправила за уши прядь, открыв бархатную щёку с родинкой.

— Мне снился океан. Ничего вокруг, только простор. И такая тишина над ним! Пустая, мёртвая, будто это декорации. А потом он стал темнеть, ожил, задышал! И небо почернело. Угольная мгла... И молния — острая, тонкая. Потом обрушился ливень. И океан вздыбился, и ничего не стало, кроме чёрного океана вокруг. И я чувствовала всю эту мощь, эту волну! Понимаешь? Ощущала внутри! Слово она в груди у меня, в солнечном сплетении! И всё это неслось вперёд, ничего уже не могло остановиться...

Лида заворожённо замолчала. Лёня подошёл к ней, сел на корточки напротив, провёл рукой по её волосам.

— Бывают такие странные сны — красивые и страшные, — заметил он.

В дверь постучали.

— Проснулись? Доброе утро! — раздался заботливый голос Тамары Павловны. — На улице стол накрыла, вставайте.

— Хорошо, спасибо, мам, — отозвался Лёня.

Когда молодые вышли во двор, в беседке уже завтракал Николай Петрович.

— Садитесь, садитесь, — суетилась Тамара Павловна, разливая чай со смородиной и мятой.

— Дядя Коля, как ваша «Ока»? — усаживаясь напротив мужа, поинтересовалась Лида.

— Ничего, ездит.

— Мы тут за грибами в лес собрались, так на перекрёстке у магазина встали, — перебила супруга. — Под капотом что-то загорелось!

Николай Петрович, не взглянув на жену, спокойно обратился к сыну:

— Вы с Серёгой шифер начинайте снимать, два бруса я приготовил, по ним спускайте. Я в город, у Саньки перфоратор заберу.

— А можно я с вами? — вдруг оживилась Лида. — Вчера тётя Марина звонила: Светка прилетает! Моя двоюродная сестра из Америки.

— Осталась бы, маме помогла, — удивился Лёня. — Завтра уже домой...

— Да пусть едет, тут делать нечего, — присела рядом с сыном Тамара Павловна.

— Я вечером помогу, если надо. Света ненадолго, потом неизвестно когда увидимся.

— Поедем, коли надо, — согласился свёкор. — Обратно как?

— На автобусе, — ответила Лида, и лицо её озарила внезапная мысль: — Если бы я умела водить! Лёня! Вот если бы ты меня научил? Сам? А?! Сегодня вечером попробовали бы на поле у озера!

— Лидочка, у тебя же машины нет, — мягко встала Тамара Павловна. — Лёнка на своей работает.

— Не знаю, когда мы закончим, — пожал плечами Лёня. — Пока погода хорошая, надо крышу делать. Хотя бы вторую обрешётку успеть сегодня. Я в офис завтра, отец с Серёгой одни останутся.

— Лида, у тебя как с работой, решилось? — поинтересовалась Тамара Павловна, подливая невестке чай.

— Нет, — сдавленно произнесла Лида.

— Моей подруге консультант в косметический магазин нужен. Могу спросить.

— Да... Спасибо.

— Захочешь учиться — иди в автошколу, — вдруг вмешался в беседу Николай Петрович и подмигнул невестке. — Там тебя правильно научат. Переучиваться после Лёнки тяжело; как привыкнешь, потом ломать себя придётся.

Лида грустно поглядела ему в глаза, и слабая улыбка шевельнула её губы.

С озера дул прохладный ветер, принося с собой влажный травяной воздух. Мимо остановки пастух гнал сытых, тяжело переступающих коров. Ласточка-касатка, низко пролетев над землёй, прошмыгнула под впереди идущей чернушкой.

Лида вышла из автобуса и в радостной спешке побежала по пыльной дороге. Из болотной низины вылетела рыжая кургузая овчарка, похожая на лисёнка, и, звонко лая, бросилась к незнакомке. Лида оторопела от неожиданности, но скоро, когда пастух отозвал собаку, уже мчалась к разномастным домам, поправляя непривычно лёгкие, обрезанные по плечи волосы.

Во дворе Лида обошла стопки снятого шифера, посмотрела на оголённую брошенную крышу и позвала:

— Лёнь!

Ей никто не ответил. Дома мужа тоже не оказалось. Зато свекровь, как всегда, хлопотала на кухне. — Тётя Тома, а где Лёнька?

— К Машке пошли, у нас Ванька чуть с крыши не убился! — Тамара Павловна переливала молоко из бидончика в банку. — Сейчас Машка всем всыплет, Серёжке особенно — недоглядел за сыном.

— Маша молоко принесла?

— Утреннее. Они с Натусей приходили, пособили немножко с крышей, а то мужики наши всё...

— Малину Наташа принесла? — Лида посмотрела на белое ведёрко с крупной зрелой ягодой.

— Собрала нам маленько. Лёнька-то любит малину с молоком, — Тамара Павловна, взглянув на невестку, опешила: — Лида...

Но та уже выскочила во двор и побежала к золовке. Маша с мужем и тринадцатилетним сыном жила через дорогу, в чистом уютном домике с резными белыми наличниками и долговязыми мальвами вдоль всей ограды.

Лида остановилась возле забора, посмотрела на распахнутые створки окон. На подоконнике стояли горшочки с каланхоэ, такие Маша дарила и Лиде на новоселье, но они давно уже зачахли. Девушка прислушалась: за надутым узорчатым парусом тюля слышались мягкие голоса.

Отворяя калитку, Лида хлётко ударила высокий стебель мальвы с нежно-розовыми цветами, громко хлопнула деревянной дверцей. Лёня с веранды поспешил навстречу.

— Лида... — растерялся он, глядя на короткие волосы жены. — Что ты сделала?

— Ничего, — она шагнула к крыльцу, но муж преградил ей дорогу.

— Я хочу познакомиться с Машей, — с вызовом сказала Лида.

— Не надо, они позже к нам придут. Маша сейчас с Серёгой ругается, Ванька ногу сломал. Идём, — Лёня взял за руку Лиду и повёл к калитке. — Спать хочу, устал ужасно! Зачем ты подстриглась?

— Захотела.

— Что опять случилось?

— Ничего, — усмехнулась Лида.

— Пойдём прогуляемся, — со сдержанной злостью сказал Лёня, отпустив руку жены, и, не дожидаясь ответа, направился в сторону озера.

Лида пошла за ним быстрым нервным шагом, впиваясь взглядом в его курчавый затылок. В конце улицы, на выезде, Лёня свернул к полевой дороге. Он яростно ступал вперёд, чувствуя тяжёлую усталость и жар в теле: руки и спина болезненно горели.

Сокращая дорогу, Лёня бросился в густое половежье трав. Свежий ветер мягко шуршал

колосками, из цветущего душистого высокотравья кремово-белой таволги, жёлтого донника, лилово-розового иван-чая доносился вечерний стрекот. Лида, отмахиваясь от комаров, окликнула мужа. Но он не обернулся. Лёня шёл напролом, разводя руками высокие заросли. Лида бежала за ним, разросшийся чертополох цеплялся за платье, старая крапива обжигала голые ноги.

Наконец проторенная Лёней тропа вывела их к прибрежным ивам, затопленным летним паводком. Лёня, глубоко дыша, остановился у перевернутой дырвой лодки, брошенной на берегу покрытого мелкой зыбью озера. Вдалеке одинокий рыбак на моторке удил рыбу. На горизонте в ранних сумерках рассыпались подсвеченные светло-коралловые и серые полоски облаков, выше на небосводе они сливались в чернильные кляксы.

Услышав сбивчивое дыхание жены, Лёня обернулся к ней и сорвался на крик:

— Что происходит? Лида, скажи мне: что вообще происходит?!

В камышах громко заголосили лягушки, где-то за ивой тревожно просвистела птица.

— Я устал — ты это понимаешь? Я делаю всё для тебя! Всё! Но ты — то кричишь, то молчишь, то ходишь как в воду опущенная. Я ничего не понимаю! Стараюсь понять тебя, слушаю, но мне тяжело...

— Со мной? — тихо закончила за него Лида.

— Вот скажи мне: почему ты сегодня уехала? — Лёня внимательно посмотрел на жену. — Не побывала с семьёй? Мы все вместе занимаемся делом, вместе отдыхаем. Тебе и здесь не нравится?

— Вы привыкли всё время быть вместе, вы одна семья...

— А ты не часть этой семьи?

— Я здесь как будто чужая. И комната эта... Не твоя и моя. А комната, в которой вы спали с Наташей.

— Опять двадцать пять!

— Я не ревную, Лёнь, я правда здесь чужая...

— И что ты предлагаешь? Не ездить мне к родителям? Не помогать им? С сестрой не видеться?

— Лёнь, я люблю тебя! — беспомощно заплакала Лида.

Лёня схватился за голову.

— Я не знаю, что со мной, — Лида дрожащими руками вытерла слёзы. — Света приглашает нас к себе в Провинстаун...

— Нет, Лида, — жёстко ответил Лёня. — Семнадцатого я выхожу в отпуск — клею обои, Серёге на покосе помогаю, делаю с отцом крышу: мы сегодня ничего не успели, стропила прогнили, всё менять надо. Нужно материалы закупить, если тебя это вообще интересует.

Слепое солнце жгло нещадно. Казалось, оно не оставит город и будет безжалостно томить до утра. Найдя свободное место на парковке соседнего

двора, Лёня оставил машину и устало пошёл по горячему тротуару домой. Мысли рассыпались: в свой первый день отпуска он до предела вымотался на работе, голова раскалывалась от городской тяжёлой жары и от нервной суеты.

Накануне ему позвонил приболевший коллега, попросил заменить. Жизнь выездного системного администратора научила Лёню терпению. Но столько «неадекватов» он давно не встречал. Видимо, жара подавляюще действовала на всех.

Сегодня ему достались и скандальные барышни, которые попросту забыли воткнуть в розетку шнур от принтера, и пенсионерки, не понимающие, почему мастер не может заодно починить телевизор, и профессора филологических наук, заставляющие комментировать каждый щелчок мыши.

Тяжелее всего Лёне пришлось на последней заявке—в женском магазине. Может, оттого, что под конец рабочего дня он невыносимо устал от поучений, недовольств и угроз пожаловаться в офис.

В комнатухах со спёртым воздухом его встретили пропылённые древние компьютеры. Пока Лёня пытался переустановить «винду» на одном, его присили посмотреть вирусы на другом, параллельно глянуть ноутбук. Ко всему прочему на него сыпались вопросы о личной жизни, шутки о его худобе: «Видно, жена молодая, неопытная».

С Лидой они почти неделю нормально не разговаривали: он был занят работой и ремонтом, она каждый день возвращалась поздно и сразу ложилась спать. По ночам отворачивалась и плакала или ластилась к нему, жадно прося ответной ласки. Но по утрам неизменно молчала.

Когда он вошёл в квартиру, его опять встретила душная тишина. Бросив портфель на диван, Лёня растегнул верхние пуговицы рубашки, закатал рукава и открыл окно на балконе. Только дома он почувствовал, что желудок сводит от голода.

Не переодеваясь, Лёня прошёл к плите, открыл эмалированную коричневую кастрюлю: борщ на жаре скис и вспенился. Лёня со злостью швырнул крышку на плиту, достал телефон из кармана. Но только он хотел набрать номер, как в коридоре щёлкнул замок.

— Лёнька, привет!—раздался непривычно весёлый голос жены.—Ты не поверишь, что я сегодня сделала!—Лида бросила босоножки в сторону и прошла в комнату.

Глаза у неё восторженно сияли.

— Проквасила борщ?

— Что?

— Ты где была?

— В бассейне...—растерялась Лида.—С тренером занималась...

— Прекрасно. Суп киснет, ремонт стоит—Лида развлекается.

— Я не развлекалась.

— Лида, почему ты не убрала суп в холодильник?

— Забыла.

— Будь у нас ребёнок, ты бы и о нём забыла?

Лида открыла рот, но смогла только беспомощно выдохнуть.

— О чём вообще ты думаешь?—взорвался Лёня.— Как можно забыть? Ты же хозяйка, женщина. Ты целыми сутками дома.

— А почему я дома?!—нашлась Лида.—Я из-за тебя уволилась! Ты злился, что мне ставят ночные смены! Сказал, надо домом заниматься.

— Ты жаловалась, что тебя всё бесит, что ты не администратором работаешь, а горничной в этой гостинице. Жаловалась, что теряешь навыки, забываешь язык, что вместо иностранцев—хамы и истерички,—Лёня вышел из себя.—«Я не могу понять, куда идти!», «Я не чувствую, что это моё!», «Я не могу найти себя!»—передразнил он жену.

— Ты! Ты ничего не понимаешь!

— Конечно! Всегда одно и то же: «Не понимаешь!» Ты воды боишься—какой бассейн? Лида! Ты о чём вообще?!

— Я была спортсменкой!

— Ты была ребёнком, Лида. Это было тринадцать лет назад!

— Да, после маминой смерти я стала бояться воды! И я...

— При чём тут твоя мать? Она умерла от рака! Ты сама говорила, что была чужой в семье, что вам было сложно общаться. Что за сантименты?

— Мне просто нужен выход!—отчаянно крикнула Лида.

— Выход там,—надломленно произнёс Лёня и указал рукой на дверь.

На мгновенье в квартире повисла страшная тишина, словно взорвалась бомба, словно время остановилось в общей глухоте, и только невидимый пепел медленно опускался на оставшиеся после взрыва развалины.

Лёня испугался своих слов, дикими и чужими показались они ему в этой плотной тишине, в его доме. Он смотрел на жену и не мог опустить руку. На Лидином лице промелькнули удивление и ужас. Вместе с тем она будто обрадовалась—схватила сумку и выбежала в коридор.

— Лида?

С треском хлопнула дверь. Лёня бросился за женой. Но в коридоре вдруг остановился, присел на тумбу. Ему нужно было догнать Лиду, остановить, вернуть домой, попросить прощения...

Лёня медленно подошёл к двери и притянул её. Щёлкнул замок.

На следующий день после ссоры Лёня уехал к родителям. Вечером, не дозвонившись до жены, набрал номер Марины Евгеньевны. Узнал, что Лида в порядке. Больше он ей не звонил.

Лёня прожил у родителей в деревне полмесяца, с утра до ночи занимаясь крышей и сайдингом, копяся в гараже, изматывая себя на покосе. Обеспокоенная Тамара Павловна проговорила поговорить с сыном, но он обрывал все попытки. Отец лишь раз, неловко откашливаясь, намекнул о помощи, но Лёня коротко ответил, что разберётся. Тогда Тамара Павловна заслала чуткую Наталью, к которой Лёня раньше всегда прислушивался.

Наталья, выждав, пока в сумерках все уйдут с поля, подошла к сторожу, на который Лёня метал сено. Она мягко позвала его. Но он, остановившись, стёр со лба пот и сказал чужим голосом:

— Нет, Наташа.

Девушка понимающе кивнула и ушла. Днём Лёню отвлекала работа, а ночами он много думал, тяжело засыпал, часто под утро.

Когда Лида первый раз позвонила ему, Лёня уже погружался в рыхлое забытьё. Услышав в телефонной трубке стук колёс, он мгновенно очнулся и хриплым голосом спросил:

— Ты где?

— На мосту,—слабо ответил жена.

Лёня посмотрел на часы: тринадцать минут пятого.

— Уезжаешь?

— Нет. Гуляю.

— Одна?—Лёня соскочил с постели.

— Да.

— Я приеду минут через сорок...

— Не надо.

— Возвращайся домой. Иди на вокзал, вызови такси. Не ходи одна, пожалуйста.

— Мы можем встретиться?

— Я завтра домой приеду, мне на работу в понедельник.

— В парке. У мостика, у пруда, там лавочка есть.

— Почему не дома?—примиряюще спросил Лёня, но после паузы добавил:— Там занято всегда, давай на красной лавочке недалеко от фонтана, как в детской площадке иди!

— Хорошо. В двенадцать.

После этого звонка он уже не мог уснуть. Собравшись на рассвете, вернулся в серый от моросящего дождя город. Лёня заехал домой. Дом был пуст и тих. Лида забрала свои вещи. Просидев несколько часов за компьютером на сайте с кондиционерами, машинально прокручивая курсором страницы, Лёня так ничего и не выбрал. Принял душ, выпил чашку кофе и поехал к жене.

В парке, сидя на лавочке, он смотрел на муравья, тащившего соломинку,—эта ноша в два раза больше букашки была по силам ему.

Лёня взглянул на часы—Лида опаздывала, он набрал её номер.

— Я на месте,—сказала она.

— Где?

— На лавочке в стороне контактного зоопарка, недалеко от входа.

— Я уже минут пятнадцать жду тебя на красной лавке, где аттракционы.

Через несколько минут подошла Лида. Лёня удивлённо посмотрел на жену мутными уставшими глазами: волосы и тонкое сине-зелёное платье у неё были влажными.

— В Ильин день всегда дождь?—слабо улыбнулась Лида.

— Илья чертей гоняет. В этот день на покос не ездят.

— И ящерка-медянка кусает только в этот день,—Лида села на лавку и сжала в руках подол платья. Золотое обручальное кольцо блеснуло на её пальце.

Она почти не спала. С другого конца города добралась до парка пешком и попала под дождь. Лида не могла все эти длинные и бесконечные дни сидеть дома у тётки Марины, не могла слушать мудрые советы о семейной жизни. Поэтому много ходила, бесцельно и долго, до изнеможения, до боли в ногах. Иногда Лида словно просыпалась и с удивлением оглядывалась, не сразу понимая, где она. Если бы её спросили, о чём она думала во время своих прогулок, ответить бы Лида не смогла.

— Я перепутала.

— Ничего. Мы всегда говорили на разных языках,—Лёня говорил таким спокойным, холодным голосом, что Лиде стало страшно.

— Прости, пожалуйста!

— Ничего, бывает.

Рядом с Лениными кедами приземлился бумажный самолётик.

— Лазбился!—раздался детский возглас.

Лопухий рыжий мальчонка подбежал к лавочке и поднял самолётик.

— Новый сделаем,—ответил ему величаво-спокойный голос.

Высокий мужчина с кучерявой медной бородой взял за руку сына и повёл к аттракционам.

— Ты забрала вещи?

— В пятницу улетаю. Света пригласила погостить, я позавчера получила визу.

Лёня скривил губы и кивнул.

— Когда вернёшься?

— Пока не знаю,—Лида утёрла слёзы.

— Я пятнадцатого поеду в деревню, у нас вечер выпускников.

— Наташа сказала?

— Угу.

Помолчали, глядя в разные стороны на шуршащий воскресный, но уже по-осеннему спокойный и мягкий парк.

— Она смогла бы родить тебе ребёнка,—вымученно начала Лида.—Она всё ещё любит тебя, я знаю.—Удачного полёта,—Лёня медленно поднялся.

Лида подскочила, зачем-то схватила его руку, больно сжала.

— Ты хочешь мне руку сломать? — он мягко выскободился, поцеловал её в макушку.

Лида оцепенела. Она смотрела, как отдаляется и тонет в пёстрой толпе её любимый человек, но ничего не могла сделать.

Августовское утро на восточном побережье Мас-сачусетса выдалось пасмурно-тягучим, медлительным, словно оно, закрывшись в себе, копило холодные мысли. Небо обещало дождь, но не могло родить его, пустышкой темнело над распластавшимся беспокойным океаном и суетливым туристическим городком.

Кутаясь в Лёнину тёмно-синюю тёплую рубашку, ту самую, что нашла ещё в деревне в России, Лида стояла на открытой террасе дома Коулманов. Прижавшись к столбику, слушала, как шуршит ракушками и звенит колокольчиками музыка ветра над дверью. Смотрела, как на клумбе мягко колышутся высокие жёлтые цветы с чёрными головками. Света называла их «золотой шторм».

Лида уже неделю гостила у сестры. Света с мужем приняли её с большим радушием, но и в их светлом просторном доме Лиде было неуютно и одиноко. Аллен каждый день показывал туристам китов на своей маленькой яхте, Света работала в сувенирной лавке на Кэмёшл-стрит, пёстрой, шумной и многолюдной улице.

Чтобы Лида не скучала, по приезде её познакомили с племянником Аллена, Дином. Он был всего на три года младше её, поэтому с особым увлечением взял на себя роль гида. Сначала они плохо понимали друг друга, но с помощью жестов молодые люди быстро освоились. Лида постепенно вспоминала английский, и скоро им стало легко и весело друг с другом.

Дин оказался общительным и открытым, он часто шутил, подсмеивался над Лидой: «Русская шпионка». И водил её по узеньким улочкам Провинстауна, показывая местные достопримечательности.

Первым местом, куда он привёл Лиду, был Пилигримский монумент. Они поднялись на самый верх башни. На высоте семидесяти семи метров у Лиды захватило дыхание от бесконечного сияющего простора. Яхты и рыболовецкие суда у пристани казались игрушечными чайками на гигантском голубом стекле, а домики — серыми камешками в пышном мху зелени: они могли поместиться в её ладонях.

Здесь Лида почувствовала, сколько в ней силы, энергии, словно в ней одной помещалась целая вселенная. Опынев от восторга, она много смеялась. Дин надувался от важности и заверял, что это ещё не всё, что самое интересное впереди — вело-прогулка в парк Кейп-Код с пикником и закатом.

Но всего через несколько дней после будоражащих открытий ликование схлынуло волной

и растворилось в тяжёлой удушающей тревоге: Лида потеряла цепочку с обручальным кольцом. К вечеру Аллен нашёл цепочку на дне бассейна. Лида надела кольцо, но тёмная и опустошающая тревога осталась в ней.

Дин позвал «девочку-шпионку» развеяться на мексиканской вечеринке приятеля. Лида, улыбнувшись через силу, отказалась, но назавтра пообещала составить ему компанию на пляже.

И сейчас Лида думала обо всём, что с ней произошло. В глубине дома раздался телефонный звонок, Лида рванулась к телефону — и услышала глухой треск рвущейся ткани.

Звонила Света.

— Не скучаешь? Я буду поздно. Дин заедет за тобой в восемь.

— Может, обед приготовить? — спросила Лида, с сожалением разглядывая дырку на рубашке.

— Забей, отдыхай! Поужинаем сегодня в ресторане. Разобралась со стиркой?

— Да, вещи в сушилке.

Лида положила трубку и услышала, как пиликнул несколько раз мобильный в кармане джинсов. Она достала его и увидела уведомление социальной сети, среди которых было сообщение от Лёни: «Лида, я подаю документы на развод. Когда приедешь, обсудим».

Она прочла это сообщение со странным спокойствием. Поднялась к себе в комнату, положила на кровать телефон и рубашку. Спустилась в домашнюю прачечную, вынула из сушильной машины свои вещи.

Возвращаясь с корзиной в комнату, почувствовала, как что-то чёрное сгущается внутри, давит в солнечном сплетении. Лида глубоко вдохнула — но это не помогло. Складывая ровной стопкой одежду, она вдруг остановилась и заплакала. . .

Лида бросилась искать нитки с иголками. Перерыла полдома, прежде чем позвонить Свете и найти их на самом видном месте — шкатулка стояла на журнальном столике в гостиной. Пока зашивала дрожащими руками дырку, исколола все пальцы.

Надев рубашку, Лида выгребла охапку вещей из шкафа, бросила на постель и стала набивать ими чемодан. Комкая вещи, она рассмеялась над своим страхом, глухо, надломленно. Всё ей стало ясно. Словно она попала под холодный ливень и очнулась.

Не в силах дожидаться Свету дома, Лида оставила чемодан и бросилась вниз. На перекрёстке она вылетела на дорогу и через мгновение услышала визг тормозов. Водитель «Хонды», афроамериканец с испуганными выпуклыми глазами, бросился ей на помощь, поминутно извиняясь и спрашивая, в порядке ли она. Он хотел отвезти её в больницу, но Лида сказала, что всё в порядке.

— Я лечу домой, — твёрдо сказала Лида Свете.

— Стеречь борщ? — съязвила сестра и тут же спохватилась: — Оставайся у нас! Аллен поможет с документами и работой. Что тебе там делать?

— Я всё изменю.

— Вечером купим билет, — сдалась Света.

Вечером, сидя на мягком светлом песке, Дин смотрел на волнующийся океан. Вздыхая тугие полупрозрачные голубые волны, океан выталкивал их на берег, окрашивая в золотисто-рассыпчатый цвет. Небо на закате стало медово-оранжевым, мягким.

Лида кружилась у самой кромки воды, взрывая ногой песок и разбрызгивая пенящуюся воду. Она не могла усидеть на месте. Дин уже знал, что Лида собирается в Россию. Он пытался шутить, но у него плохо выходило. Лида не слушала его. — Ты ещё не все секреты Провинстауна узнала, девочка-шпионка, — сказал он, когда Лида побежала к нему.

Над океаном беспокойно металась чайки. — Не парься. Зачем тебе всё это? Ты же волна, — не сдавался Дин. — Мощная и неукротимая, — с напускным весельем он плавно показал рукой волну.

Лида соскочила с места, скинула рубашку и побежала к воде.

— Дин! Бежим купаться! — смеясь, крикнула она по-русски. — Мы будем счастливы!

В России с вечера всю ночь, словно запертый, непрерывно грохотал ливень: тонкие молнии разрезали небосвод, беспомощно хрустели деревья, сыпались листья и ветки. Истерзавшись, он вырвался на волю и к утру стих, оставив после себя покой и тишину.

Ближе к полудню, когда солнце стало пить дождевую воду, Тамара Павловна, кутаясь в длинный шерстяной кардиган, вышла из дома. Она смахнула оборванные листья, вытерла стол в беседке, постелила клеёнку и зелёную в горошек скатерть.

В густой тени зарослей расцветало переливчатое многоголосье, в котором будто бы перекрикивались две птицы. У соседей важно кудахтали куры.

Скоро за столом собралась вся семья. Разрезали хрустящий сахарный арбуз.

Глухо стукнув сырой деревянной калиткой, во двор осторожно вошла Наташа. Ржаного цвета волосы были убраны в косу и закручены крендельком на голове. Простое, чуть грубоватое её лицо стало красивым от доброй и открытой улыбки. — Доброе утро! Я не знала, что ты здесь, — обратилась она к Лёне. — Хотела через родителей передать, что встречу в школе перенесли на четыре часа.

— Вчера после работы приехал, — приветливо улыбнулся Лёня.

Под глазами у него были мешки, какие бывают от недосыпа по утрам. Но выглядел Лёня хорошо. Наташе только было жаль его остриженных кудрей. Заметив её взгляд, он засмеялся и сказал:

— Практикантка обгорела.

— Присаживайся, Натуся, не стой, — захлопотала Тамара Павловна.

Девушка вопросительно поглядела на Лёню, он, искренне улыбаясь, одобрительно кивнул. Николай Петрович отложил газету и закурил.

— Угощайся, дочка, — Тамара Павловна придвинула чашку с нарезанным арбузом поближе к Наташе. — Решилось у тебя?

— Угу, переезжаю к маме, буду работать в нашей школе.

— И правильно. Умница! — похвалила Тамара Павловна, раскладывая горячие вареники с вишней. — Лёня, принеси Наташе тарелку.

— Что вы, не надо, спасибо. Неудобно, я пойду... — Останься с нами, — попросил Лёня, вставая из-за стола.

Наташа взволнованно улыбнулась.

— А Лида не приехала? — тихо спросила она, когда Лёня скрылся за дверью.

Тамара Павловна покосилась на веранду и покачала головой.

— Сегодня останешься? — спросила она сына, когда он вернулся из дома.

— Да, ремонт закончил. Больше там делать нечего. — Ну, слава Богу!

— Ох и гроза металась нынче, — произнесла в каком-то суеверном страхе Наталья. — Будто живая. — Да, виноград побило сильно...

Разговор прервал звонок мобильного. Лёня взял телефон и, посмотрев на дисплей, отошёл к калитке. Наташа и Тамара Павловна обеспокоенно переглянулись. Николай Петрович, искоса поглядев на них, неодобрительно нахмурился.

Лёня вернулся быстро. Он отрешённо поглядел на отца и сказал сдавленным удивлённым голосом: — Лида утонула.

Трухлявый пенёк

Неуклюжий серый домик Чижовых прятался в глубине двора, окружённый огородом, дровяной пристройкой и сеновалом с сараями.

В широком окне веранды несколько раз дёрнулась линия занавески, словно дом моргнул от соринки, — и на рассохшееся крыльцо выскочила девятилетняя Тая в грязно-розовой куртке. Неумело заплетённые волосы висели колоском, кудрявые антеннки у высокого лба торчали в разные стороны. Девочка, поёжившись, накинута на голову капюшон, засунула в петли на двери замок и побежала по узкой дорожке к калитке.

Капюшон сполз на глаза. Прислонившись к забору, девочка сняла его и замерла. В чёрном пустом огороде одиноко стояла рябина, словно полупрозрачный ангел, раскинувший руки в узорчатых рукавах...

Из палисадника во двор вполз маленький пёс и жалобно заскулил. Серая шерсть на острой

мордочке Бобика топорщилась пышными усами, хвостик подметал землю под брюхом.

— Приду — накормлю, — сказала девочка, снимая крючок с загнутого дужкой гвоздя и открывая калитку.

Бобик в ответ нетерпеливо поскрёб лапкой по резиновому сапожку. Не обращая на него внимания, Тая вышла на улицу. Пёс, поскулив, выбрался через щель под забором и побежал за девочкой.

Чтобы попасть в школу, нужно было спуститься к библиотеке, через заросший кустарниками сквер пройти мимо развалин детского садика, выйти к площади с заброшенным Домом культуры. По утрам приезжие коммерсанты раскладывали здесь на клеёнки одежду и обувь. Напротив, за каменным побелённым забором, крепко стояла школа, огороженная со всех сторон голыми деревьями.

Оказавшись под крышей между колоннами, Тая остановилась и перевела дыхание. В горле у неё пересохло, в боку кололо иголками. Девочка вошла в школу. Дежурных на входе не было, уже шёл второй урок.

Тая оставила вещи в раздевалке и прокралась в коридор. Из классов в него проникали приглушённые голоса, скрип мела, кашель. Девочка замерла у знакомого шероховатой двери. Чуть помедлив, глухо постучала. Ей ответил резкий и звонкий голос Амалии Робертовны:

— Да! Входите!

Тая застыла, не смея сделать первый шаг.

— Входите!

Дверь распахнулась, и перед девочкой оказалась учительница с серебристо-серыми глазами.

— Ну и чего мы стоим? — строго спросила она.

— Извините за опоздание... Можно войти? — сбивчиво произнесла Тая, теребя край короткого коричневого платья.

Амалия Робертовна надела очки, и глаза её стали свинцовыми. Вздохнув, она спросила обжигающе-спокойно:

— Почему опоздала?

Девочка забормотала:

— Это из-за часов... не прозвенели... там батареяка...

Ребята засмеялись.

— Мать в школе? — нахмурившись, спросила учительница.

— Нет... В храме, — почти беззвучно ответила Тая. Амалия Робертовна покачала головой.

— Дневник мне на стол. На перемене. Садись.

Тая низко опустила голову и села за свою парту. Стараясь не шуметь, достала «Математику», дневник и тетрадь. Долго шарила по дну портфеля в поисках ручки, но нащупала только пластмассовые осколки и тонкий стержень. Дешёвые ручки без пенала всё время ломались, а стержнем списывать с доски условия задачи получалось грязно и неаккуратно.

Ветер увёл за собой тяжёлые серые глыбы туч. Небо расчистилось, появилось солнце. Посветлело и на старом кладбище. По-новому засияли выкрашенные оградки, поправленные кресты. Куцые грязные островки снега причудливо заблестели.

Вороны на ветках встрепенились и оживлённо закаркали: по дорожке между могил к каменной ограде неспешно шла высокая нескладная женщина. Раиса Ивановна Чижова только закончила убирать могилу отца Даниила.

Шестьдесят семь лет назад, в престольный праздник, свои же, деревенские, содрав фелонь, вытащили отца Даниила из храма в одном подризнике, посадили в машину-полуторку вместе со старостой прихода, пономарём и несколькими прихожанами. Выбросили в поле на мёрзлую землю, велели убираться подобру-поздорову. Но отец Даниил вернулся в село. Сгибаясь пополам в судорожном кашле, ходил по домам в поисках поддержки. Через несколько месяцев умер, а в храме стали картошку да пшеницу хранить. Так и простоял храм полвека как складское помещение, пока в девяностых и вовсе не опустел.

Деревня редела и мельчала. Работы не стало, молодёжь вся в город подалась. Один только храм неизменно стоял. Пошёл по деревне робкий разговор: восстановить жизнь, поднять храм. Образовался небольшой приход. В прошлом году вынесли весь мусор из летнего и зимнего храмов. Попросили батюшку из соседней деревни провести службу. После неё со слезами на глазах шли домой, такое счастье внутри трепетало, будто ребёнок родился. На вторую уборку пришло уже больше народу. Даже председатель сельской администрации помог, технику для вывоза мусора дал. Не только внутри убрать успели, но и крышу очистили от кустарника. И храм будто стянул с себя печаль, омылся людской заботой, воспрянул духом. Но всё это были только первые робкие шаги.

Погружённая в воспоминания, Раиса Ивановна тихо притворила створки кладбищенских ворот и вышла на узкую тропинку.

Её дорога пролегла через пустырь, огибала неглубокий овражек, заросший кустами черёмухи, потом спускалась с пологого холмика к окраине деревни — а там, возле пруда, за берёзками, уже и храм. Всякий раз, как Раиса Ивановна издали глядела на его мертвенные стены, сердце у неё падало куда-то вниз. Вот и сейчас снова чувствовала, как холодеет всё внутри.

Но вспомнила отца Анатолия и улыбнулась. Год прихожане пытались своими силами оживить храм. То один священник справит требу в холодном разбитом зале, то другой отслужит литургию. Только всё равно люди, как сироты, оставались один на один со своей разрушенной святыней.

А этой осенью, в медовый сентябрьский день, по деревне первым жаворонком пролетела весть:

«Новый батюшка приехал!» Раиса Ивановна тогда поспешила в храм. Сначала услышала голос его хрипловатый, задронно-строгий. Поглядела: вот тебе и батюшка! Сам на коленках ползал у храма, фундамент осматривал, мусор выгребал и в блокнотик что-то записывал. Думали, отслужит молебен—уедет в город. Нет, не бросил.

Со своим батюшкой и дело стало вернее строгиться. С Божьей помощью нашли тогда заброшенную могилку отца Даниила, изгородь восстановили, поправили крест—почтили память человека. Раиса Ивановна как узнала, где похоронен отец Даниил, так и стала его навещать. Одинаково ухаживала за могилами бабушки и священника.

Женщина покачала головой, вспоминая прошлогоднюю пустоту и отчаяние после смерти бабушки Фаи. Фаина Михайловна уже после смерти непутёвой младшей дочери узнала о внучке: увидела её однажды на пороге со всем семейством—мужем и годовалым больным ребёнком. Но ничего, худо ли бедно прожили в одном доме восемь лет, пока совсем не разболелась бабушка Фая. Умирала она долго и тяжело.

В тревоге Раиса Ивановна ускорила шаг. Мысли следовали за ней по одной и той же дороге и отовсюду приводили к храму. Беспокоило её и то, что даже с батюшкой работа шла медленно: надо было провести электричество, отремонтировать церковную печь, новые полы настелить, рамы изготовить, окна вставить там, где ещё зияют дыры... Только одно дело заканчивали, как забот ещё больше появлялось. Вот, кажется, только у крыш летнего и зимнего храмов заменили перекрытие, а уже нужно покрывать железом и рубероидом, пока снег не выпал. А где же взять материалы?

Раиса Ивановна запнулась, одёрнула юбку и заметила на подоле шарик-колючку. Отцепила репей, сжала в узловатых руках. Всё на свете жить хочет: и человек, и птица, и растение. Женщина бережно положила репей в траву, выпрямилась, заправила тонкие седеющие пряди под платок и, перекрестившись, зашагала быстрее по грубой, ершистой траве.

Обойдя овраг, она остановилась на холме: впереди узорилась деревня, рядом на берегу пруда вытянулся переживший бурю кирпичный храм Архангела Михаила с трапезной, пристройкой и обломками каменной ограды. А над берёзами высилась чёрное разбитое пятиглавие и покосившаяся немая колокольня.

Раиса Ивановна очнулась от своих мыслей, перевела дыхание и стала спускаться с холма к храму. Издали увидела весёлую суету: люди бегали от притвора к дороге, разгружая грузовик. Женщина радостно перекрестилась и поспешила на помощь.

Тая, понуро опустив голову, пыталась разглядеть морщины на замусоленной корочке дневника.

Кабинет отдыхал от шума и гама. Класс был на физкультуре. Амалия Робертовна проверяла тетради. Нескільки минут назад она отругала Тая: — Дневник—это лицо ученика! Почему такой мятый?! Почему не обёрнут?!

Не добившись внятного ответа, написала крупными острыми буквами ещё одно замечание.

Девочка боязливо поглядывала на учительницу, безуспешно утюжа пальцем длинные борозды на измученном картоне. Она давно сделала дополнительное задание по пропущенному уроку и с нетерпением ждала перемену. Тая даже представила, как со звонком на неё упадёт шапка-невидимка.

Когда в прошлом году одноклассники узнали, что Тая освобождена от физкультуры, засыпали её вопросами: какой подвиг нужно совершить, чтобы избежать уроков Змея Горыныча? Но когда Тая честно и просто сказала: «У меня проблемы с сердцем...» Кто-то зло пошутил: «У неё проблемы с головой!»

Наконец протрещал звонок. Тая, высидев полминуты, опасливо поглядела на занятую учительницу и тихонько вышла из кабинета.

Коридор угрожающе гудел. Возле окошка напротив соседнего кабинета на лавочках собралась шумная стайка одноклассников. Пакеты со спортивной формой горкой лежали на подоконнике. Девочки стрекотали и дёргали Таньку Соколову за маленькое ушко с золотым листиком серёжки. Считая до десяти, девчонки кричали всё громче и громче, но тянули вверх осторожно.

Танька была очень красивой, с праздничным венчиком из тугих чёрных кос. Она смеялась и разрешала дёргать себя за уши даже мальчишкам. Тая подбежала к ребятам. Катька Симакина, лучшая подруга Тани, стараясь перекричать мальчишек, громко хвасталась анкетой на замочке, которую ей купили в городе.

— Дашь заполнить?—раздался тонкий голос.

Тая увидела за Таней свою подругу Лизу Куцых и помахала ей рукой. Но та быстро опустила голову. — Первой будет Тая!—отрезала Катька.

— Можешь Лизке дать, я анкеты давно не веду,—важно сказала Тая.

— А можно я тоже заполню?—простодушно спросила Тая и, как будто испугавшись, добавила: — Потом...

Все замолчали и обернулись к ней.

— Ну,—начала после недолгой паузы Катька,—я сначала подругам даю, потом остальным, но ещё Сашке, Алесе из пятого класса обещала... Так что не знаю... если останется место...

— Да я подожду!—заулыбалась Тая.—Таня, с днём рождения!

Тая отступила в сторону:

— Звонок уже, пойдёмте в класс.

Она чутьчку помедлила и, косясь на Тая, осторожно добавила:

— Не забудьте, в четыре.

Все шумной ватагой отправились в кабинет вслед за Таней.

— Ли-и-иза... — позвала Тая. — Лиза!

Но подруга не оборачивалась. Тая догнала её:

— А что будет в четыре?

— Да так... — испуганно пробормотала Лиза. — Тая пригласила к себе домой... На день рождения...

— Всех?! — расширила глаза Тая.

— Нет! Представляешь, ей родители подарили магнитофон! И кассеты!..

— А ты идёшь?

— Если подарок хороший найду!

Тая понимающе кивнула.

— Ты не обидишься, если я подарю Тане «Маленького Водяного»?

— Дарёное не дарят ведь... — растерялась Тая.

В кабинет вошла Амалия Робертовна, и девочки сели на свои места. Тая открыла крышку парты, достала «Чтение» и задумалась. «Маленького Водяного» подарил ей год назад добрый врач. Эта книга напоминала о горьком лете, пропахшем больницей.

Когда Таю положили на обследование, она очень ждала папу. Он обещал приехать, привезти ей конфет. Потом пошли разговоры: папа взял у соседей списки для покупок, собрал деньги — и больше не вернулся из города. А мама всё обещала Тае, что он вернётся.

Потом Тая познакомилась с Лизой. Хорошенькая белокурая девочка появилась в школе в середине сентября. Она без страха первой поднимала руку и отвечала на вопросы Амалии Робертовны, на переменах спрашивала у учительницы, не стереть ли с доски, не принести ли мел, первой старалась предложить дружбу и, как показалось Тае вначале, как-то слишком сахарно улыбалась. Ребята мигом окрестили её Лизой-подлизой. Тае стало жалко новенькую. Она предложила ей дружбу и подарила зачитанного до дыр «Маленького Водяного» со словами: «Желаю тебе всегда иметь весёлое сердце!» — которые сказал ей добрый доктор перед операцией. Но Лиза не обращала внимания на Таю.

Учительница писала на доске вопросы к уроку, когда послышался бодрый стук в дверь. Не успела Амалия Робертовна ответить, как в кабинет быстро и уверенно вошла Танина мама, Ольга Фёдоровна, с белыми барашками на голове и синими тенями до бровей. В руках у неё были глянецвый пакет и большая бумажная коробка, перевязанная плетёной верёвочкой.

Амалия Робертовна вежливо улыбнулась, поздоровалась и помогла Ольге Фёдоровне. Класс восторженно притих, наблюдая за тем, как на учительском столе появляются бутылки жгучесладкой газировки. Нет, это был не «Тархун», не «Крем-сода» и даже не «Буратино» — это была самая настоящая чёрная искрящаяся «Coca-Cola»!

Но главная тайна хранилась в квадратной коробке. Когда Ольга Фёдоровна развязала тесёмки и сняла крышку, Тая восторженно открыла рот, глядя на пышное молочно-коричневое чудо с десятью свечками. Она даже чуть привстала, чтобы лучше разглядеть на торте цветных ежей, зайчиков, птичек и кружевную надпись: «Любимой Танюше!»

Пока Ольга Фёдоровна зажигала свечи, Амалия Робертовна медовым голосом предложила:

— Давайте поздравим Танечку все вместе!

И ребята с удовольствием закричали:

— С днём рож-день-я! С днём рож-день-я! С днём рож-день-я!

Тая весело кричала со всеми, поглядывая то на сказочный торт, то на Таньку, надувшуюся от важности у доски. Ольга Фёдоровна резким взмахом потушила спичку и осторожно взяла торт. В дневном сумраке он, словно пылающая громада, поплыл по воздушному морю. Класс заволновался ещё сильнее.

Тая закрыла глаза, и все замерли в плотной тишине, пахнущей жжёными спичками. Именинница, надув щёки, шумно потушила все свечи.

Пока резали и разносили торт, ребята торопливо складывали из тетрадных листов квадратные стаканчики с бортиками. Амалия Робертовна ходила по классу и наливала в них газировку. Пить нужно было скорее, пока бумага не размокла.

Тая положила перед Таей кусочек с целой жёлтой птичкой. Придвинув тортик поближе, Тая залюбовалась птицей. Стаканчик в её руках стал разбухать. Девочка опомнилась и несколькими глотками опустошила его. Пузырьки защекотали нос, во рту стало приторно.

Тая взяла кусочек и осторожно откусила. Нежный корж, пропитанный шоколадным кремом, мгновенно растаял на языке, отдав невесомую шелковистую сладость. Никогда ничего вкуснее Тая не пробовала!

Девочка ела осторожно, откусывая только по бокам, самую нежную серёдку с птичкой берегла. Когда остался небольшой обкусанный островок, Тая остановилась. Ей хотелось съесть всё, но она, сглотнув слюну, заботливо завернула торт в тетрадный листок и спрятала в парту.

В недавно покрашенной трапезной пахло хлебом и чабрецом. Раиса Ивановна, тихо улыбаясь своим мыслям, разносила чашки. Поставив на широкий стол тарелку с ржаным тяжёлым хлебом, она остановилась у окошка и поглядела на улицу. В серых сумерках слабо догорало небо.

Скоро за столом собрались прихожане, те, кто остался почаявничать. Согрелись душистым чаем и горячей беседой. Не было только отца Анатолия.

— А где батюшка? — спросила Раиса Ивановна.

— За *этим* пошёл, — ответила Надежда Васильевна, староста прихода.

Отец Анатолий неделю назад привёз из города худого парнишку с тяжёлым взглядом и жёсткими чертами лица. Каждый вечер батюшка приглашал его к столу, но получал сухой короткий отказ.

Костя помогал в храме, делал любую работу, но ни с кем не разговаривал, немой тенью проскальзывал между каменных холодных построек. Было в нём что-то страшное, отталкивающее, прихожане сторонились его. Даже добрая и приветливая Надежда Васильевна с опаской поглядывала на парнишку и хмурила пшеничные широкие брови.

Раиса Ивановне Костя чем-то был близок, понятен, хотя она не знала, что перевернуло его юную жизнь. Но заговорить с Костей она не решалась. — Позвать их? Всё готово... — как-то вдруг неожиданно для себя осмелилась женщина.

— Не суетись, Раиса Ивановна, — одёрнула её бойкая Надежда Васильевна, перевязывая цветистый платок. — Присядь, отдохни! Уморилась, небось, с утра на ногах-то?

Привыкшая подчиняться, Раиса Ивановна кротко согласилась и присела на краешек скамейки.

— Я принесла тут, — робко начала она и протянула старосте полотняную сумку, — нынче много ягоды уродилось, с дочкой варенья наделали...

Надежда Васильевна, благодарно кивнув, достала из сумки двухлитровую банку чёрного, густого, как летняя ночь, варенья и разложила его по чашечкам. Люди за столом оживились.

— Вкуснющая смородина! — причмокивала беззубым ртом бабушка Нюра, тонкая и крепкая, как ивовая веточка.

— Хорошо! — крикнул Афанасий Иванович, погладив окладистую дымную бороду.

Раиса Ивановна засветилась от радости. Но, устыдившись, опустила глаза и сделала глоток. От горячего травяного чая обмякло тело.

— Видно, Господь за труд наш посылает благую весть, — улыбнулась бабушка Нюра, приподнимая ложечку с вареньем.

— Бог не оставит, — кивнул Афанасий Иванович. — Нужных людей вовремя приводит.

Заговорили о меценате, приславшем сегодня стройматериалы, о реставраторе, чудом заехавшем в село летом, об отце Андрее, настоятеле храма Рождества Богородицы, пожертвовавшем церковную утварь. Но Раиса Ивановна почти не слышала беседы — плечи у неё потяжелели, спина заныла, давила и лишала последних сил усталость. — А икона? — вдруг услышала она молодой раскатистый голос Степана.

И испуганно и удивлённо посмотрела на мужчину. Но он глядел на Надежду Васильевну.

— Ни одна встреча не случайна, — ответила ему староста. — Вот бы престольную икону вернуть,

что ещё при отце Данииле была. Ведь как-никак наш односельчанин её писал, корни её тут...

— Раиса! — позвал громкий голос Анны.

Молодая женщина протягивала ей пустую чашку. Раиса Ивановна подняла серое лицо, виновато улыбнулась. Она хотела передать чашку, но одним неловким движением смахнула со стола свою. — Ты чего это, Раиса Ивановна? — удивлённо спросила Анна, глядя на испуганную женщину, собирающую осколки. — Совсем устала. Шла бы ты домой отдыхать.

Раиса Ивановна подняла лицо, неестественно улыбнувшись, глухо затараторила:

— Я всё уберу, уберу...

Она суетливо смела в совок осколки и вышла на улицу. Тяжело вдыхая свежий воздух, высыпала стекло в ведёрко и отправилась искать батюшку. Заглянула в зимний храм, обошла колокольню. Всюду сквозила тишина. Услышав тихий и строгий голос отца Анатолия, Раиса Ивановна пошла в сторону приземистой хозяйственной постройки.

Батюшка, как высокий крепкий утёс, покрытый седым инеем, возвышался над Костей. Бледный парнишка, оторвавшись от работы, сжимал в жилистых руках молоток и с яростью смотрел на батюшку.

— Для того, чтобы восторжествовала справедливость, должна умереть любовь, — спокойно сипловатым голосом продолжал отец Анатолий.

Вся решимость Раисы Ивановны улетучилась, на смену пришла привычная робость.

— Справедливость ничего не имеет в любви, она мстительна, разрушает то доброе, что есть в человеке. Любовь жертвенна...

Совсем смешавшись, Раиса Ивановна хотела выйти на улицу, но, запнувшись о ящик с инструментами, всполошилась.

— Простите, батюшка... — виновато залепетала она. — Я не хотела мешать... Простите... Всё готово... Вас только ждут...

Отец Анатолий добродушно улыбнулся, от уголков голубых глаз разошлись солнечные лучики.

— Ну что ты, Раиса, как сорока испуганная, стрекочешь, — мягко сказал он. — У тебя даже имя лёгкое, светлое, а ты тяжелее тучи ходишь... Ну! Вот и Константин у нас тоже...

Костя нахмурился и отвернулся.

— Держаться надо! — громче сказал батюшка. — Терпеть должно — унывать грешно! А мы сегодня хорошо потрудились, столько сделали. Правда, Раиса?

Раиса Ивановна легко выдохнула и благоговейно улыбнулась:

— Я, батюшка, завтра ещё приду!..

— Хорошо, хорошо. Ступай домой. У каждого дом во внимании и чистоте должен быть. Дом — это тоже храм... У твоей же Таисии рождение завтра?

Женщина кивнула:

— Десять лет ей будет.

— Это зелёный горох у нас, — усмехнулся батюшка. — О нём заботиться надо. . . Ну вот подарочек ей будет из городу. . . — и достал большую клетчатую сумку из-под полки. — Старенькое, но пригложее! Я в многодетной семье вырос и всё обноски носил. . . А сейчас мне нисколько не стыдно, я всё на добровольных пожертвованиях. . . В каких ботинках, штанах я хожу — это не главное, главное — что мы делаем. . .

Раиса Ивановна шла по побелевшей улице, осторожно обходя широкие мокрые колеи. Под ногами хрустел лёд. Снег падал на лицо крупными хлопьями.

Она никак не могла решить, когда отдать дочке привезённые батюшкой вещи. Хотелось сегодня посмотреть, как обрадуется Таяшка. Но тогда в день рождения придётся брать в долг что-то дешёвое в подарок или, хуже того, торговаться с коммерсантами. От этих мыслей становилось мутно и нехорошо на душе, как от обмана.

Раиса Ивановна отворила кособокую калитку и увидела живой огонёк в комнате Таи. «Сегодня!» — воодушевилась мать и зашагала по двору.

В сумраке прихожей Раиса Ивановна сняла куртку и поёжилась от холода. Дрова и уголь берегли, поэтому не протапливали печь уже несколько дней. Маленький нелепый дом нагревался быстро и легко, а остывал долго, заботливо храня внутри жизнь, но ещё накануне он отдал последние остатки тепла.

Раиса Ивановна убрала вещи в старый шкаф, накинула засаленную фуфайку и вышла в коридор. Она выгребла золу из печи и вынесла её в огород. В дровяном сарайчике взяла несколько подсыревших поленьев и ведро серого угля.

Скоро в печи полыхало и бодро потрескивало. Раиса Ивановна заглянула в комнату дочери. Тая, взобравшись с ногами на постель, закутавшись в дырявую шаль, что-то клеила. Рядом лежали обрезки, баночка с высохшим клеем, пустоглазая корбочка акварельных красок.

Раиса Ивановна, кротко вздохнув, расправила на спинке стульчика небрежно брошенную школьную форму и присела на краешек кровати. — Смотри! — восхищённо выдохнула Тая и протянула бумажное чудо-юдо.

Раиса Ивановна взяла в руки тетрадочку и прочитала: «Хозяйка анкеты Чижова Таисия Сергеевна. День рождения — 8 ноября 1993 года».

— Замёрзла? — мягко спросила Раиса Ивановна. — Не-а! — Тая спрыгнула с кровати и подлетела к обшарпанному шкафу, в котором хранились её вещи и учебные принадлежности.

Она бережно достала с полочки бумажный свёрток и протянула Раисе Ивановне.

— Сегодня у Тани Соколовой день рождения! — восхищённо залепетала девочка, глядя, как мать

пробует торт. — Вкусный, да?! Тётя Оля сегодня в школу принесла! Он был такой огромный! Мам! Такой красивый! Ты бы его видела!

Раиса Ивановна кивнула и, тихо улыбаясь, протянула кусочек обратно дочери.

— Не-е-е, — нарочито лениво протянула Тая и соврала: — Я не хочу, я в школе облопалась! Мама, представляешь, там ещё свечки были! А ещё мы пили кока-колу! Здорово, да?!

— Мы сейчас так почаёвничали хорошо. Спасибо, доченька, — Раиса Ивановна положила тортик на стол.

— Ну, раз ты не хочешь. . . — согласилась Тая и снова затараторила: — Мама, ребята так обрадовались! Все кричали: «С днём рож-день-я!» А в сентябре, помнишь, у Лисовца был день рожденья? Он тоже угощение приносил, конфеты там всякие раздавали. . . Классно, да?

У Раисы Ивановны внутри всё сжалось и похолодело. Она вспомнила, как осенью в подсобку техничек влетела хохлушка Галка, её сменщица, и затрещала: «У спортивного зала самосуд затеяли, паразиты! Тайку твою травят! Ну! Чего стоишь-то?! Глаза выпучила! Эх ты! Тютя-матютя! Знала, что ты только трястись будешь, — сама их разогнала да из Тайки всё вытянула. Мамаша Лисовца конфет приволокла чёрт знает зачем! Ну и раздали всем, Тайка свои для тебя припрятала в парту. А Кузнецов, паршивец, весь в папашу, вытащил на уроке и сам же руку тянет и говорит: мол, Амалия Робертовна, Чижова у меня конфеты украла. . . А эта крашенная рептилия и в ус не дует! Вот они на перемене и затеяли разборки. Твоя ревьёт, захлёбывается аж: не брала, не брала, это он. . . Эти ироды малолетние струхнули, ну и давай её успокаивать: мол, будешь реветь, значит, это доказательство, что украла, а она от обиды ещё пуще заливается! Ох! Паршивцы!»

До Раисы Ивановны, не сразу дошло, что случилось. Во всём она была медлительна и непонятлива: смысл слов и поступков, особенно обидных, приходил позднее, в тишине, поэтому не умела она отвечать на оскорбления. Так и Тайна беда только в храме за работой обожгла страхом и беспомощностью. А дочь тяжёлую обиду спрятала глубоко, в памяти оставила только поздравления и конфеты.

— А я тебе тоже что-то принесла, — встrepенулась Раиса Ивановна и вышла из комнаты.

— Батюшка тебе передал на день рождения. . . — сказала, вернувшись. — Ты же ему помогала, — Раиса Ивановна поставила на пол сумку и, прижав руки к груди, отошла назад. — Со временем воскресную школу откроем. . . Батюшка хочет сделать пункт помощи, чтобы можно было вещами обмениваться. . . — рассказывала она, пока Тая разглядывала одежду. — Я печку затопила, поставлю в баке воду греться, искупаемся сегодня.

— Это всё мне?! — ошарашенная Тая выловила из сумки джинсы-клёш и пёструю блестящую рубашку с длинными рукавами-колоколами.

— Что подойдёт...

Рубашка была почти новой и по размеру, а джинсы широки, хотя по длине в самый раз. Девочка, недолго думая, обвязала себя поясом от плаща. В этом наряде она была похожа на счастливого взъерошенного попугая.

— Поможешь мне управиться? — спросила Раиса Ивановна.

Тая радостно кивнула.

— Накорми птицу, собери яйца. Надо в магазин сбежать, хлеба взять в долг, пекарня-то закрыта уже, — сказала у двери Раиса Ивановна и вышла.

В коридоре пересыпала из большой кастрюли в ведро запаренное зерно с картофельными очистками и понесла поросётам.

Откуда ни возьмись вылетел Бобик и стал кружиться и подпрыгивать рядом.

— Объявился? — ласково спросила Раиса Ивановна и зачерпнула побитой чашечкой кашу.

Бобик, дрожа от жадности, набросился на еду.

Раиса Ивановна прошла через сеновал в зимний сарай. Здесь было душно и сонно. Пахло парным молоком и навозом. Как только Раиса Ивановна включила свет, голодные поросёта завизжали. Пока высыпала корм, старших отгоняла лопатой, но чумазые животные только повизгивали, отскакивали и снова бросались к кормушке. Костлявая Ночка протяжно замычала. Раиса Ивановна ответила:

— Сейчас, сейчас... — и подняла голову.

Большие и красивые глаза коровы показались ей по-человечески грустными и уставшими. Раиса Ивановна быстро отвела взгляд и стала вычищать навоз из клеток.

Убрала под коровой и стала готовиться к дойке. Тая приволокла два ведра, одно пустое эмалированное, другое пластмассовое, с водой и тряпкой. Раиса Ивановна сняла с крюка деревянную скамеечку, села на неё и стала обмывать вымя коровы тёплой водой.

— Ну-ну, магушка, — приговаривала она. — Ночка, ласточка, кормилица ты наша, красавица, — хозяйка заботливо погладила линиялый бок коровы и нежно обратилась к дочери: — Таюша, принеси немного сена, а то Ночка опять ведро опрокинет...

Тая сбегала в сеновал и принесла корзину с сухой душистой травой. Оставив её позади коровы, девочка взяла охапку и, осторожно обойдя с противоположной стороны, бросила сено в кормушку. — Таюш, — Раиса Ивановна вытерла пот рукой, поправила платок. — Беги в магазин, дальше я сама.

Девочка молча погладила белую звёздочку на тёмном лбу коровы и принесла ещё сена. Она немного помялась у двери и потом вдруг спросила: — Мам, ты можешь завтра не ходить в храм?

Раиса Ивановна, оторопев, перестала сцеживать молоко.

— Сделаешь мне торт?! Ма-ам? — затараторила дочка. — Представляешь, как ребята удивятся и порадуются за меня! Возьмём ещё в долг газировку?

Раиса Ивановна испуганно заморгала.

— Я батюшке обещала... работы много, Таюш... Нам стройматериалы привезли! — вдруг завоновалась она. — Здорово, правда? Ты ведь знаешь, что потом я в школе три дня мою... Когда я ещё в храм попаду? Да и нет у нас денег...

Тая молча постояла, потом скрипнула дверью и оставила Раису Ивановну в тишине, в которой глухо сцеживалось молоко и с утробным хрустом размалывалось сено на зубах Ночки.

Тая шла в магазин, поскользываясь на свежем снегу. На улице поднялся ветер, зрела вьюга. Девочка, всхлипывая, одной рукой держала бортики капюшона, другой вытирала грубым рукавом слёзы. У двери магазина она запнулась и упала.

— У-у-у!

— Ты чего это лютуешь? — усмехнулся гортанный чужой голос рядом.

На крыльце стоял невысокий молодой человек в рваной фуфайке, чёрных валенках и зелёной шапке. При тусклом свете фонаря Тая разглядела мёртво-каменное лицо. И с удивлением узнала парня. — А я думала, ты немой, — простодушно брякнула она.

— А я думал, ты рехнулась, — холодно ответил Костя и открыл тугую дверь, обшитую дерматином. Звякнул колокольчик, прибитый внутри над притолокой. Девочка поспешила за Костей.

Под магазин Соколовы отвели просторную комнату своего дома. Здесь были полки с продуктами, два холодильника, уголок для канцелярии, химии и мелкой одежды. За прилавком в дом вела дверь. Её всегда держали открытой, завесив проход деревянными шторами-бусами.

Вдруг шторы ударились о стену, в комнату влетела Тая с распущенными волосами.

— Ма-а-ам! Покупатели! — громко закричала она.

Из глубины дома доносилась музыка и шум застолья. Костя отошёл к другому прилавку. Тая подозрительно и по-хозяйски следила за каждым его движением. От этого Тае почему-то стало стыдно за неё.

К покупателям вышла красная Ольга Фёдоровна в блестящем обтягивающем платье, Тая исчезла за шуршащей шторкой.

— Тётъ Оль, здравствуйте! — неловко улыбнулась Тая. — Мама просит в долг хлеба, мы сегодня в пекарню не успели...

— Скажи маме, Тая, — раздражённо начала женщина, — что я скоро вообще ничего вам не дам! Полтетради только на вас извели! — она приподняла потрёпанную толстую тетрадку с должниками.

Тая виновато и глупо заулыбалась.
— Мы вернём, когда кур продадим...
— Я про индюков эту историю уже слышала! — махнула рукой Ольга Фёдоровна. — Вы в пекарне должны, мне должны, Самохваловым должны!
— У вас хлеб есть? — грубо перебил хозяйку Костя.
— Нет, хлеба у нас нет, идите к Самохваловым, — отрезала она и сложила руки на груди.

Тая растерянно улыбнулась и доверчиво посмотрела на Костю. При ламповом свете разглядела его глаза и удивилась: они напомнили два светлых карьера в глубоких земляных воронках. Костя тоже на мгновение замер, как будто растерявшись. Нахмурившись, он открыл дверь и обратился к Тае уже другим, как будто бы треснувшим голосом:

— Идём.
— Покажешь, где живут эти Самохваловы? — спросил он на улице, спускаясь с крыльца.
— О, конечно! — обрадовалась Тая. — На соседней улице, тут недалеко! Здорово, что мы вместе пойдём! Будет не так холодно! И не скучно, — тараторила она, чуть поспевая за Костей.
— У тебя что, другой обуви нет? — спросил парень, неодобрительно глядя на Таины резиновые сапоги.
— Зимние ботинки порвались, — беспечно махнула рукой Тая.

Костя ничего не ответил, только чуть замедлил шаг. Некоторое время они шли молча, пока девочка не нарушила тишину:
— А ты читал «Робинзона Крузо»?
— Решила со мной подружиться? — едко ответил Костя. — Дурёха...
— А ты свёкла! — рассерженно прошептала Тая.
— Свёкла? — удивлённо остановился Костя. — Свёкла?! — чуть помолчав, переспросил он и громко захохотал.

Тая сначала удивила мягкость его смеха. Она подумала, что человек, который умеет так смеяться, должен быть добрым. Но когда Костя упал на колени, голос его стал надрывным, истеричным, а смех показался одичавшим. Тая даже испугалась, не за себя — за Костю, который сотрясался всем телом, сидя на холодной земле. Девочка чувствовала, что ему сейчас очень больно. Костя смеялся долго, безудержно, как будто последний раз в жизни.

— А почему свёкла-то? — вдруг, резко успокоившись, тихо спросил он.

— А-а-а, — облегчённо протянула Тая, махнув рукой. — Так свёкла-то дольше всего варится, значит, она вредная. Вредные люди — свёклы.

— Чудная ты, — беззлобно сказал Костя, поднимаясь.

— Говорят, что я на голову большая... Хотя у меня сердце большое.

— Кто говорит?

— Ну, все, а ещё говорят, что я мешком пробитая. — Прибитая, может?

— Наверно, я не знаю. Меня-то никто мешком не бил! — поспешила заверить Тая.

На Костином лице появилась неожиданно открытая и добрая улыбка.

— Тебе, наверно, обидно? — серьёзно спросил он.
— Не всегда, ребята-то хорошие, просто мы с мамой старомодные...

Костя и Тая остановились возле маленького ларька Самохваловых. Костя купил две булочки хлеба. Одну отдал Тае:

— Твоя мама помогает храму? Так что вот... подарок.

— Мне на день рождения, да? — восторженно спросила Тая, выходя на тропинку, которая вела к соседней улице через брошенный чужой двор.
— У тебя сегодня день рождения?

— Завтра... Сегодня у Тани, у той девочки. Все ребята у неё собрались, кроме меня... — призналась Тая и замолчала.

Из темноты, из голых одиноких стен разрушенного дома послышался отрывистый глухой лай. Костя поднял с земли камень и бросил наугад.
— Не надо! — крикнула Тая.

Камень громко стукнулся об обломки шифера, собака трусливо завизжала.

— Ну зачем ты? — голос девочки задрожал. — Бобик, — ласково позвала она. — Бобик! Это я, иди сюда...

Из развалин, поджимая хвост, на полусогнутых лапках выполз Бобик. Тая присела и погладила его.

— Хозяева летом уехали, а его оставили. Он теперь попрошайничает. И дом по привычке сторожит. Иногда у нас живёт. А ещё он хромает...

Девочка отломил кусочек хлеба, бросила Бобику и пошла вперёд. Костя поплёлся следом.

— Что-то он не особо хромает, — усмехнулся он, глядя, как Бобик, проглотив хлеб, проворно побежал за девочкой.

— Да-а, — протянула Тая и засмеялась. — Он иногда забывает хромать. Когда радуется.

Раиса Ивановна лежала под одеялом, глаза её понемногу привыкали к утренним сумеркам. Прощедшая ночь выпила все силы, что-то громоздкое давило внутри.

С трудом поднявшись, она нащарила рукой перевернувшийся в сбитых простынях шерстяной носок. Опустила ноги на пол. Посидев немного в предраусветной тишине, окончательно выбралась из рваных снов.

Печка за ночь прогорела и медленно остывала, но кирпичная кладка была ещё тёплой. Раиса Ивановна согрела воды в электрическом чайнике и с двумя вёдрами вышла на морозную скрипучую улицу. Встревоженный Бобик высунул пуговичный нос из-под крыльца, прислушался и через мгновение исчез.

Накрахмаленная природа дышала свежестью и чистотой. «Вот и зима...» — с грустью подумала женщина. Снега намело много, но храм ещё не был готов к престольному празднику.

Раиса Ивановна зашла в сарай, сонные куры недовольно закудахтали на жёрдочках. Увидев тачку с навозом, оставила ведра для дойки и вывезла навоз за ворота заднего двора. Принесла из сеновала полную колючую корзинку, бросила немного сухой травы на подстилку корове, часть положила в кормушку. Покуда Ночка лениво дрожала зубами сено, Раиса Ивановна её доила.

Таю было ещё рано будить, поэтому Раиса Ивановна вернулась в сарай и бросила птицам зерно, накормила поросят отрубями. Перед уходом тихонько разбудила Таюшку, поздравила шёпотом с днём рождения.

Как только управилась, заспешила в школу: до занятий нужно было помыть кабинеты на первом этаже. По дороге Раиса Ивановна думала о том, что надо докупить комбикорм и уголь, привезти питьевой воды, поменять газовый баллон...

В школе царствовала тишина, пустая и сонная. Раиса Ивановна, расплёскивая воду и шоркая тряпкой, один за другим убрала учебные классы. Когда закончила, в школе уже зашуршала ранняя жизнь.

Выполоскав тряпки и развесив их на деревянных швабрах, Раиса Ивановна оделась в комнатке для техничек и заторопилась в храм. Она шла по маленьким снежным барханам, прокладывая первую зимнюю тропинку.

На перекрёстке, недалеко от окраины деревни, её вдруг кто-то окликнул. Раиса Ивановна повернулась и увидела полногрудую румяную Галку, осторожно семенящую к дороге в галошах.

— Так и знала, что тебя встречаю, — радостно сообщила та. — Ох, замучилась с утра! Раиска, ты в храм? Вчера дочурка приезжала, ох, исхудала в городе совсем! Ни черта не ест! Вот, притащила, — женщина протянула белый свёрток. — Говорит, местная, ещё в девятнадцатом веке будто бы писана! Не знаю, может, брешет! В городе у знакомой дед помер, вот хлам всякий разгребают! Только я не пустила Ленку вчера никуда, и так ребёнка не видим! На, бери крепче!

Раиса Ивановна безвольно протянула руки, но никак не могла сжать свёрток, пальцы как будто задеревенели и не слушались.

— Ну? — настойчиво повторила Галка. — Я сама бы снесла, да Малинка тельиться собралась, пойду караулить, потом в школу побегу...

Раиса Ивановна не помнила, как добежала до храма, осторожно и крепко прижимая к груди драгоценный свёрток. Когда она, перекрестившись, вошла во двор, то увидела вспотевшего отца Анатолия с лопатой. Он был в стёганой куртке мутно-жёлтого цвета и чёрных грубых валенках.

— Батюшка, благословите, — задыхаясь, промолвила Раиса Ивановна.

С крыши храма с совиным уханьем слетел снег. Это Костя чистил крышу.

— Бог благословит, — сняв рукавицы, перекрестил отец Анатолий и, опершись о черенок, беспокойно посмотрел вверх.

Раиса Ивановна, прижимая к груди своё сокровище, больно жала пальцы и нерешительно произнесла:

— Батюшка, посмотрите...

Батюшка молча развернул свёрток, открыв потускневшую икону. На потрескавшемся молочном фоне распростёрт золотые крылья ангел в воинском облачении: шлеме, расписанной огненно-золотой кольчуге и красном плаще. В руках он сжимал раскалённый меч и щит с крестом. Светлый лик выражал справедливую строгость, тёмные глубокие глаза смотрели вверх. Над головой была тонко выведена надпись: «Архангел Архистратиг Михаил».

Раиса Ивановна никогда не видела *ту* икону, но чувствовала, что это *она*. Она сейчас согревается в руках батюшки, на неё падают хлопья снега, её касаются лучи уже зимнего солнца... В глазах Раисы Ивановны помутнело, она закрыла лицо и отвернулась, дрожа всем телом.

— Раиса Ивановна, прогуляемся, — мягко сказал батюшка, завернув икону.

Женщина вытерла слёзы и послушно зашагала рядом. Некоторое время шли молча. Снег мягко и пружинисто скрипел под ногами, на улице становилось всё светлее и чище. В кучных облаках то пряталось, то показывалось холодное солнце. — Вижу я, как ты стараешься, Раиса, но вижу и то, что давно тебя снедает какая-то мысль... — вкрадчиво заговорил отец Анатолий, когда они оказались в берёзовых заснеженных зарослях недалеко от спящего пруда. — Только иной раз и сама себе сознаться в этой мысли ты не хочешь, потому на исповеди и не слышу я твою эту... — батюшка остановился и, чуть подумав, добавил хриплым голосом: — ...спрятанную боль. Таить её ни к чему, исповедь с утаённой болью Богу не угодна. Церковь ведь — всё равно что корабль в море житейских забот и страстей. Здесь спастись надобно. А покаяние всем тяжело даётся, — ободряюще улыбнулся батюшка. — Всю жизнь мы просим Бога о прощении за грехи свои. Пройдёмся ещё немного...

Пока шли к дороге, ведущей к кладбищу, Раиса Ивановна набиралась смелости. Когда взобрались на холм, отец Анатолий остановился и посмотрел издали на храм.

— В наше время люди лишены связи с Богом и церковью, — вдруг начал он, не глядя на Раису Ивановну. — Кому-то наш храм покажется тухлым пнём, о который запинается взгляд. Но мы

знаем, что храм—это наш дом, нужно трудиться, работать, создавать... Каждому в меру сил...

Раиса Ивановна тяжело вздохнула.

— Батюшка,—деревянным голосом начала она.— Я, может быть, больше всех виновата в этом,— женщина подняла взгляд на покалеченный храм.— Мы виноваты, мы это сделали... И я теперь ничем не смогу искупить этот грех... и Таюшка будет...

Слёзы обожгли сухие щёки. Но Раиса Ивановна, широко раскрыв глаза, ничего не видя, продолжила шёпотом:

— Дед сам руководил... Сам подписи эти собирал! Выгнал отца Даниила из дома, когда... А бабушка Фая икону продала в городе. Продала. Она заболела и всё рассказала, мучилась она перед смертью, батюшка!—Раиса Ивановна задыхалась от слов, но продолжала.—И не искупим грех... Мама пропила свою жизнь! Отец повесился... Стёпка, муж мой, проигрался! Дом проиграл! Мы обездомели... Оставил нас с долгами! Таюшка ждёт его, молчит и всё ждёт! Я же вижу. Я же вижу, что и её... это коснулось. Я вижу, какая она, какие мы!..—Раиса Ивановна закрыла лицо руками и разрыдалась.—Ничего не можем, всё потеряли! Потеряли Бога—потеряли семью, потеряли дом.— Болезнь открывает глаза. И душу,—мягко ответил отец Анатолий.— Учит мудрости. Самое тяжёлое—это найти свою вину. Ты переняла её. Но на себя, Раиса Ивановна, чужие грехи не бери, ты только усерднее молись за души твоих родных да живи в благочестии и чистоте, полагайся на волю Божию. Тебя ангел-хранитель привёл сюда для Божьего дела, ты начала храм строить и не заметила, что храм строится внутри тебя. И Таиска твоя Богом не обижена, она видит вокруг красивое всё, она неунывающая, а то, бывает, мы немножко нагнетаем себе излишнего... Бог, Раиса Ивановна, любит каждого и всегда готов помочь в добрых делах.

Раиса Ивановна не ждала таких слов, она удивлённо посмотрела на батюшку. Тот участливо тихо улыбался, глядя на неё своими пронзительными и мудрыми глазами.

— А сейчас ступай домой, Таиску не оставяй без внимания, сегодня по старому времени праздник,—сказал он.—Иди без смятения внутреннего, а коли надо будет, на исповеди двадцать первого поговорим.

Поблагодарив батюшку и попрощавшись, Раиса Ивановна медленно спустилась с холма. На душе было непривычно легко, как будто бы сама душа стала пёрышком. Но Раиса Ивановна не могла позволить себе выдохнуть. Так, в смятении, она незаметно для себя добрела до дома.

Тянулась перемена. По коридору с визгом носились ребята. Скучающая Тая сиротливо шла мимо кабинетов. В руках у неё была самодельная

тетрабочка-анкета. Незаметно для себя девочка снова оказалась в библиотеке. Здесь было спокойно, пахло старой бумагой и пресной тишиной.

— Здравствуйте, Зоя Андреевна,—тихо поздоровалась девочка.

— О, это опять ты, Таечка,—выглянуло из-за стеллажей выцветшее лицо библиотечарши.— Проходи. Может, на этот раз что-нибудь выберешь.

Тая стала разглядывать на нижних полках знакомые книжечки с поношенными обложками. Доставая то одну, то другую, она рассеянно перелистывала жёлтые мягкие страницы, иногда останавливалась и шёпотом читала отрывки.

— Ну что, выбрала?—спросила Зоя Андреевна и села за стол.— Скоро звонки.

Девочка взяла первую попавшуюся книгу и протянула библиотечарю.

— Вы не хотите заполнить?—тихо спросила Тая, робко показав мятую тетрабочку.

— Что это? А-а-а,—неловко улыбнулась Зоя Андреевна.— Я уже старая анкеты-то заполнять, дай ребятам,—заторопилась она, доставая читательский формуляр.— Ох! У тебя сегодня день рождения? Поздравляю!

Тая улыбнулась. На столе она увидела знакомую сине-фиолетовую корочку. Девочка взяла книгу в руки.

— Эту пока нельзя брать, я ещё не внесла её в нашу базу,—улыбнулась Зоя Андреевна.

— А откуда она у вас?—тихо спросила Тая.

— Таня Соколова потеряла «Бима», вот, отдала взамен.

— М-м-м...—Тая положила «Маленького Водяного» обратно.

Зоя Андреевна, сделав запись в карточке, протянула девочке книгу. Тая молча взяла её и вышла в коридор. Внутри у неё, у самого сердца, больно защипало, как бывает от йода или зелёнки. Тая побежала в кабинет, но возле раздевалки наткнулась на тётю Галю. Она была в верхней одежде—видимо, только пришла.

— Ну, чего не смотришь на дорогу?!—гаркнула техничка.

Девочка испуганно съёжилась.

— На вот, тебе жених передал!—тётя Галя, рассмеявшись, всучила Тае серый мятый пакет.

Тая ещё больше растерялась и захлопала глазами.

— Парнишка из храма прибежал,—смягчилась женщина.—Сказал: это Тае. Батюшка, видно, передал.

Девочка заглянула в пакет и увидела зашитые поношенные зимние ботиночки. Тая осторожно взглянула на тётю Галю и пошла в раздевалку. В окошко увидела Костю. Ссутулившись, он шёл по школьному двору к воротам.

Тая выскочила на крыльцо и крикнула:

— Ко-о-остя!

Парень обернулся, удивлённо поднял брови. В руках у него был тёплый хлеб из пекарни. Костя подошёл к Тае.

— Зайди в школу, холодно!

— Спасибо!

— Ерунда. Ну. Иди!

— Костя... — осторожно начала Тая. — А ты не хочешь заполнить?

Костя сердито посмотрел на неё, потом на сжатую в руках тетрадку.

— Ладно, давай, — обречённо выдохнул он. — Только иди...

Из окошка раздевалки Тая провожала Костю взглядом до ворот. Рядом с ним бежал Бобик, весело махая хвостиком. Костя отламывал хлеб и бросал ему на землю. Пёс послушно съедал кусочки и старался не отставать.

Тая постучала по стеклу. Костя обернулся, и девочка радостно помахала ему рукой. Он улыбнулся, поднял в ответ руку и вышел.

Повесив пакет на крючок под куртку, Тая пошла в класс. Затрещал школьный звонок, одноклассники хлынули в кабинет.

Когда ребята расселись по местам и Амалия Робертовна начала урок, в дверь нерешительно постучали.

— Входите! — привычно отчеканила учительница.

В кабинет робко вошла смущённая Раиса Ивановна в голубом платочке. В руках у неё были плотняные сумки. На ровном месте она споткнулась и чуть не упала, ребята приснули. Тая почувствовала, как стало жарко лицу, и опустила глаза. — Амалия Робертовна, простите, пожалуйста, — виновато начала Раиса Ивановна. — У Таюшки сегодня день рождения, я угощение ребятам принесла...

Тая ещё не совсем поняла смысл слов, но её сердце вдруг сжалось и радостно застучало.

— Двенадцать человек в классе, и что ни день, то день рождения! Я когда-нибудь буду уроки нормально вести? — недовольно отозвалась учительница, но отложила мел и обратилась к ученикам: — Ребята, давайте поздравим Таю.

— С днём рож-день-я! С днём рож-день-я! С днём рож-день-я! — прокричали ребята.

Взволнованная Тая вжалась в стул. Она словно оказалась на карусели: всё вокруг мелькало, пестрило, шумело. Ей было страшно пошевелиться. И только сердце отчаянно радовалось в груди.

Амалия Робертовна разнесла тетрадные листочки. Раиса Ивановна сняла крышку с трёхлитровой банки янтарного яблочного компота, убрала с противня щербатую чашку, открыв круглый коричневый торт, обсыпанный самодельной сахарной пудрой, похожей на крошки снега.

— Называется «Трухлявый пень», — искренне поделилась Раиса Ивановна с учительницей. — Рецепт очень простой, главное, чтобы было смородиновое варенье...

Когда разрезали торт и разлили компот по сложенным бумажным стаканчикам, Тая с Раисой Ивановной и учительницей разнесли кусочки.

Тая села за свою парту, держа в руках стаканчик, сделала глоток, компот оказался бледно-сладким. Осторожно взяв кусочек торта, девочка попробовала его. Корж был плотным, грубоватым, он отдавал ягодной кислинкой и гашёной содой.

Это был вкус безграничного счастья, вкус сбывшейся мечты. Тая видела, как переглядываются и гримасничают ребята, как они перешёптываются и смеются. И ей казалось, что они тоже радуются с ней. Внутри у Таи радостно скакал бешеный зверёк, и если бы он вырвался наружу, то перевернул бы все парты и подпрыгнул до самого неба — таким неутомным и всеохватывающим было счастье Таи!